

Последние два дня началось похолодание, климат резко изменился. Пока другие болели простудой и температурили, Тун Цинхэ потрогал свой лоб. Он был слегка горячим на ощупь, и во всем теле ощущалась какая-то лихорадочная сухость.

Цзян Шаочжи был занят уже больше полумесяца. Он слышал, что в части пробудили свои духовные сущности тринадцать-четырнадцать новобранцев. Эти новички еще не знали, как контролировать призыв и устанавливать контакт со своими сущностями. Цзян Шаочжи приходилось обучать каждого из них, поэтому он часто был занят до позднего вечера: возвращался, чтобы поужинать с Тун Цинхэ, а после того, как тот засыпал, снова уезжал в часть.

Если посчитать, они почти полмесяца не проводили время наедине. Тун Цинхэ проснулся посреди ночи от жары. Кровать рядом была пуста, и в кабинете не светило. В гостиной горел маленький ночник. Спустившись, он увидел Цюцю, которое сидело на диване, прямо и неподвижно, увлеченно стуча по коммуникатору.

— Цюцю, — позвал он.

Цюцю поспешно опустило коммуникатор:

— Маленький хозяин проснулся?

Тун Цинхэ пнул тапочки, опустил голову и увидел свое нахмуренное лицо:

— Не могу заснуть. Чем ты занимаешься?

Цюцю ответило:

— Чжоу Чэ скучно на дежурстве, я с ним переписываюсь.

Увидев, что на маленьком хозяине нет пальто, хотя температура в помещении была отрегулирована автоматически, Цюцю все равно добросовестно нашло и накинуло на него куртку. Тун Цинхэ в оцепенении сказал:

— Мне уже немного не хватает дяди, он так занят.

Цюцю спроецировало на стену таблицу с данными о времени, проведенном Цзян Шаочжи с маленьким хозяином. Тун Цинхэ потерял дар речи, растрепал вихор на голове:

— Если я сейчас поеду к нему в часть, он не примет меня за сумасшедшего?

Цюцю покачало головой:

— Могу отвезти вас.

Тун Цинхэ поднялся наверх, оделся и вместе с Цюцю вышел из дома, направляясь в военный округ в час ночи.

Тренировочная площадка в час ночи была освещена как днем. В воздухе стояли звуки звериного рева, смешанные с легким запахом крови и различными ароматами феромонов. Почувствовав запахи, Тун Цинхэ остановился и молча прошел к фонарному столбу, чтобы осмотреться. Он спросил дежурного охранника, который сказал ему, что Цзян Шаочжи все еще там, тренирует новобранцев.

Цюнцзи, которое лениво свернулось в углу, издало рычание, возбужденно хлопая хвостом по земле и поднимая клубы пыли. Цзян Шаочжи, почувствовав его, посмотрел в направлении, куда мчалось Цюнцзи. У фонарного столба вдали стоял маленький силуэт. Цюнцзи быстро подбежало к нему, пригнулось и нежно потерлось головой.

Тун Цинхэ, обхватив фонарный столб, устоял под трением Цюнцзи. Он выпустил спящего малыша-коалу и осторожно сунул его в лапы Цюнцзи. Свирепый зверь, словно одержимый гиперактивностью, полностью успокоился. Он бережно прижимал маленькую коалу, не смея громко вздохнуть.

Малыш-коала, казалось, почувствовал присутствие Цюнцзи и невнятно захныкал. Звериные глаза Цюнцзи ярко сияли, когда оно смотрело на коалу, и оно издало кокетливый рык, обращенный к Тун Цинхэ.

Тун Цинхэ: — ...

Вскоре его тело поднялось в воздух. Цюнцзи обернуло хвост вокруг его талии, аккуратно усадило на спину и побежало обратно на тренировочную площадку, высокомерно рыча на остальных духовных существ-наблюдателей. Окружившие их существа поджали хвосты и разбежались в стороны, с любопытством разглядывая маленькую коалу на свирепом звере. Поняв, что коала не представляет угрозы, они стали разглядывать ее еще внимательнее. Цюнцзи это не понравилось.

Когда он снова оказался на земле, соскользнув со спины Цюнцзи, Цзян Шаочжи подхватил его. Он просунул руки ему подмышки и усадил на ступеньку.

Тун Цинхэ чинно уселся, встретившись взглядом с толпой новобранцев внизу. Столько пар любопытных глаз смотрели на него. Смутьившись, он немного спрятался за спиной Цзян Шаочжи.

— Дядя, здесь так много людей.

В глазах Цзян Шаочжи мелькнула легкая улыбка:

— Сиди и жди меня.

Цзян Шаочжи вернулся на тренировочную площадку, оставив Тун Цинхэ переглядываться с дюжиной новобранцев.

«Омега, — подумали новобранцы. — И такой молодой». Смешанные феромоны на тренировочной площадке могли свести с ума немеченого омегу. Поскольку этот человек не поддавался влиянию их феромонов, он, должно быть, помечен. Все альфы пришли к одному выводу: это омега их капитана.

Какая же маленькая невестка красивая, с сияющими глазами. Даже просто сидя, он выглядел как картина. Цзян Шаочжи молча окинул взглядом новобранцев, которые внезапно притихли. Он увидел, как они хором отдали честь его омеге. Громогласный рев сотряс воздух:

— Здравствуй, маленькая невестка! Добро пожаловать, маленькая невестка!

Тун Цинхэ: — ...

Ситуация казалась знакомой. Он натянул на себя куртку, почти спрятав лицо в воротник, и от смущения не смел поднять голову.

Цюнцзи небрежно фыркнуло в их сторону, подтолкнуло малыша-коалу в объятия Тун Цинхэ, а затем обвило его шею хвостом, липко потеревшись. Затем оно прыгнуло вниз, мгновенно приняв надменный вид.

Лицо Цзян Шаочжи стало суровым. Он позволил Цюнцзи начать бой, выбрав несколько духовных сущностей.

У Цюнцзи был высокий боевой опыт. Будь то величественный леопард, змея или ловкая лиса, Цюнцзи играло с ними, как с домашними животными. Натренировав их вдоволь, оно быстро подскочило обратно к ногам Тун Цинхэ и улеглось. Хвост был высоко задран, совсем как у верного пса, выпрашивающего похвалу у хозяина.

Взгляды новобранцев метались между свирепым зверем, который чуть не пустил слюни, и их капитаном Цзяном. Огромное Цюнцзи в следующее мгновение исчезло из поля зрения. Цзян Шаочжи холодно посмотрел на новобранцев:

— Что?

Альфы смущенно замялись.

Тренировка закончилась в половине третьего. Тун Цинхэ дремал, прислонившись к ступеньке, и в полусне повалился на вспотевшее горячее тело рядом. Он проснулся.

Цзян Шаочжи был с обнаженным торсом. Его гладкие, крепкие мышцы плеч и спины были покрыты потом, а военные брюки были влажными.

— Дядя, — растерянно посмотрел он на тихое и пустое поле. — Ты закончил?

Цзян Шаочжи спокойно кивнул. Его ладонь была вспотевшей и горячей, поэтому он не стал брать своего омегу за руку:

— Зачем приехал посреди ночи?

Тун Цинхэ небрежно пнул камешек на обочине и промолчал. Малыш-коала внезапно появился на Цзян Шаочжи, крепко спал, цепляясь лапками за его брюки, свисая сбоку на уровне талии.

Цзян Шаочжи поднял маленькую коалу, положил ее на плечо и потянулся, чтобы взять Тун Цинхэ за руку. Безмятежным тоном он спросил:

— Соскучился по мне?

Тун Цинхэ все еще не хотел говорить. После нескольких секунд колебаний его колени напряглись, когда Цзян Шаочжи перекинул его через другое плечо.

Краткое головокружение испугало его. Он крепко ухватился за плечи Цзян Шаочжи. Его ладони были покрыты потом, липким и горячим.

— Дя-дя...

Цзян Шаочжи тихо рассмеялся и тут же перенес его в машину.

Цюцю, не глядя по сторонам, само подняло внутреннюю перегородку, быстро создав тихое пространство для них двоих. Первоначально оно установило режим парения, чтобы, выехав из военного округа и попав в воздушный коридор, сразу полететь домой. Но, судя по текущей ситуации, ехать по дороге будет надежнее.

Малыш-коала заползло в угол машины и крепко спало. Тун Цинхэ посмотрел на приближающееся тело. В носу защипало от легкого жара. Его ладони все еще были влажными, и ему было лень отталкивать альфу:

— Сначала оденься.

Цзян Шаочжи ответил:

— Одежда мокрая.

Поздней ночью на дороге никого не было. Салон машины был наполнен запахом альфы. Мало-помалу разливался аромат сандала, агрессивный. Цзян Шаочжи притянул своего омегу к себе на колени. Его суровое лицо было полускрыто, и его выражение было неясно.

— Я очень рад.

Цзян Шаочжи крепко обнял Тун Цинхэ:

— Рад, что Тунтун скучает по мне.

Тун Цинхэ открыл рот, чтобы возразить, но это прозвучало бы как попытка скрыть очевидное. Он услышал, как альфа тихо рассмеялся. Тренировка только что закончилась, и кровь Цзян Шаочжи была горячее. Его объятия в такой позе были твердыми и сильными. Жар и феромоны окружили его, и сопротивляться было невозможно.

Он нервно сглотнул. Сквозь слой одежды куртка на спине, казалось, тоже стала влажной от пота. Нахлынуло ощущение надвигающегося. На шее интимно ощущалось влажное и горячее дыхание. Погруженный в густой сандал, он начал излучать возбуждающее сияние.

В темноте слабо мерцала влага. Тун Цинхэ всхлипнул, а малыш-коала тихонько пискнул, втягивая шею. Затем оно перевернуло свой мягкий, пушистый животик вверх, короткие лапки слегка пошевелились, оказавшись на воздухе.

— Малыш, — низко и глубоко засмеялся альфа. Улыбка пряталась в тени темноты, и он дразняще сказал:

— Плохим мальчикам не полагается награда.

Лапки маленькой коалы крепко прижимались к животу. Задние лапы постепенно подогнулись. Его пушистый, круглый, бесхвостый зад был милым и очаровательно неуклюжим. Оно приглушенно пискнуло, вздрогнуло и проснулось.

Малыш-коала в растерянности вскарабкалось, мех на его спине был влажным. Оно все еще не понимало, что произошло. Оно подняло голову, пискнуло, снова свалилось и свернулось калачиком в углу сиденья, издавая тихое, мурлыкающее сопение. Наконец, оно распласталось на четырех лапках, мягко лежа и тяжело дыша.

Малыш-коала проголодалось. Ему хотелось листьев.

Цзян Шаочжи приложил ладонь к мягкому животу Тун Цинхэ и поцеловал его горячее ухо:

— Проголодался?

Уши Тун Цинхэ были горячими и влажными. Быстро отросшие волосы прилипли ко лбу. Его чистые глаза были лениво прикрыты, зрачки рассеяны. Через некоторое время он собрал во взгляде единственную точку в темноте. У него не было сил, сознание было абсолютно пустым. Кожа была покрыта румянцем смущения. Он полностью обессилел, прислонившись к объятиям, которые были даже горячее, чем он сам.

Тун Цинхэ посмотрел на приближающееся лицо альфы, оттолкнул его. Его глаза были красными, а губы дрожали, когда он ругал его:

— Злодей.

Даже ругань прозвучала без напора. Казалось, когда его обижали или над ним издевались, он мог только сжаться.

Машина уже давно стояла у виллы. Цюцю сбежало. Цзян Шаочжи нашел куртку. Длинная ткань обернула его маленького омегу. Попутно он подхватил вялого малыша-коалу, положил его на плечо и в два-три шага направился наверх.

У двери ванной комнаты малыш-коала исчезло с плеча Цзян Шаочжи. Тун Цинхэ опустили в теплую воду. Он сжал колени, глядя, как приближается Цзян Шаочжи. Уровень воды в ванне поднялся, и он сразу же оказался в широких объятиях.

Вода заволновалась. Тун Цинхэ чувствовал, что вот-вот сойдет с ума. Гладкий край ванны тупо давил на сгибы его коленей. Густой сандал смешивался с ароматом жасмина. Запах был насыщенным, превращаясь в своего рода катализатор, стимулирующий страсть. Он наперегонки проникал в легкие, был сладким и источал нектар жасминовых лепестков.

Цзян Шаочжи измерил ладонью мягкий живот Тун Цинхэ и тихо рассмеялся.

Он сказал:

— Насытился.

<http://bllate.org/book/4/107>